

Порядок слов в удмуртском предложении: к истории изучения

Л. М. Чернышева

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация,
larisa-chernysheva.98@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В настоящей статье проводится исследование научных трудов, посвященных нейтральному и инверсированному словопорядку в удмуртском предложении, на основе чего предлагается периодизация рассмотрения вопроса.

Цель: выделить этапы исследования порядка слов в удмуртском предложении с точки зрения рассмотрения инверсии и нейтрального словопорядка финно-угроведами в XIX–XX вв.

Материалы исследования: научные публикации отечественных и зарубежных учёных, посвящённые вопросам синтаксиса, порядка слов и стилистики в удмуртском языке.

Результаты и научная новизна. В статье впервые представлена периодизация развития исследований инверсированного и нейтрального порядка слов в удмуртском предложении. Автором выделены три основных этапа, отличающихся подходами, а также применяемыми методами и методиками. Первый этап (с 1851 г. – до середины 30-х гг. XX в.) – номинативный, который характеризуется строгим соблюдением традиционной конструкции удмуртского предложения (SOV) в качестве нормы правописания. Нарушение данного словопорядка может быть воспринято как грамматическая ошибка. Трансформация установленной конструкции принимается лишь в исключительных случаях для передачи тексту определенной выразительности. Второй этап (со второй половины 1930-х гг. – до 1960-х гг.) – инверсионный, отмечен влиянием нового общественно-исторического уклада жизни на развитие удмуртской лингвистики. Так, традиционный порядок слов получает признак «буржуазности», а использование инверсии становится знаком освобождения от старых канонов письма и пропагандой новой жизни. Происходит включение новых конструкций предложений. При этом прослеживается активная агитация благотворного воздействия данных изменений, обогащающих удмуртский синтаксис. Третий этап (с 1960-х гг. – до настоящего времени) – реверсивный, характеризуется возвратом к изучению традиционной конструкции удмуртского предложения, повышенным интересом к исследуемой проблематике среди зарубежных финно-угроведов. Проводятся вычисления распространенности конструкций предложений, а также прослеживается стремление придерживаться SOV конструкции в удмуртских предложениях.

Ключевые слова: удмуртская лингвистика, порядок слов в предложении, нейтральный словопорядок, инверсия

Для цитирования: Чернышева Л. М. Порядок слов в удмуртском языке: к истории изучения // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 498–510.

The word order in an Udmurt sentence: towards the history of learning

L. M. Chernysheva

*Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation,
larisa-chernysheva.98@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article devoted to the neutral and inverted word order in an Udmurt sentence, on the basis of which a periodization of the consideration of the issue is proposed.

Objective: to identify the stages of the study of the word order in an Udmurt sentence from the point of view of the consideration of inversion and neutral word order by Finno-Ugric scholars in the XIX–XX centuries.

Research materials: scientific research of domestic and foreign scientists devoted to the issues of syntax, word order and stylistics in the Udmurt language.

Results and novelty of the research: for the first the article presents periodization of development of research of inverted and neutral word order in an Udmurt sentence. The author identifies three main stages, differing in approaches, as well as the methods and methodologies. The author identifies three main stages, differing in approaches, as well as the methods and techniques used. The first stage (from 1851 to the mid-30s of the XX century) is nominative, which is characterized by strict observance of the traditional construction of an Udmurt sentence (SOV) as a spelling norm. Violation of this word order may be perceived as a grammatical error. Transformation of the formed structure is accepted only in exceptional cases to convey a certain expressiveness to the text.

The second stage (from the second half of the 1930s to the 1960s) is inversion. It was marked by the influence of a new socio-historical way of life on the development of Udmurt linguistics. Thus, the traditional word order had received a sign of “bourgeoisness”, and the use of inversion becomes a sign of liberation from the old canons of writing and propaganda for a new life. New sentence constructions are being included. At the same time, there is an active agitation of the beneficial effects of these changes, enriching the Udmurt syntax. The third stage (from the 1960s to the present) is reversible. It is characterized by a return to the study of the traditional construction of an Udmurt sentence, increased interest to the studied problematics among the foreign Finno-Ugric scholars. Calculations of the prevalence of sentence constructions are carried out, and the desire to adhere to SOV constructions in Udmurt sentences is also traced.

Key words: Udmurt linguistics, word order in a sentence, neutral word order, inversion

For citation: Chernysheva L. M. The word order in an Udmurt sentence: towards the history of learning // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (3/58): 498–510.

Введение

Проблема периодизации исследования порядка слов не нова для общего языкознания. О. Н. Маширенко условно подразделяет исследования порядка слов в немецком языке на два периода: дотекстовый и текстовый, в основу которых положен принцип тема-рематической организации сверхфразовых единств и коммуникативно-прагматической нормы текста [19, 8–9], С. В. Кормилицин на материале венгерского языка касался порядка слов в онтогенезе [18]. К истории исследования словопорядка в разноструктурных языках неоднократно обращалась З. Р. Юсупова, проведя обстоятельный анализ периодизации, предложенной русским учёным-лингвистом О. А. Крыловым в 1976 г., а также осветив основные спорные вопросы изучения порядка слов и актуального членения предложения в сопоставительно-типологическом аспекте [33; 34, 35].

К сожалению, на сегодняшний день в пермской лингвистике практически отсутствуют специальные исследования, посвящённые истории изучения порядка слов в предложении, а также выявлению критериев инверсии [29, 138] как языкового явления.

Заслуживает быть отмеченной статья С. В. Едыгаровой, в которой автор представил периодизацию изучения порядка слов на основе послереволюционного развития удмуртского языка с учётом идеологических изменений [11]. Наша периодизация основывается на стилистическом аспекте нейтрального и инверсированного словопорядка в удмуртском предложении. Для достижения цели исследования нами сформулированы следующие задачи: 1) сбор и систематизация научных исследований, содержащих информацию по теме исследования; 2) выявление особенностей нейтральной конструкции и инверсионного словопорядка в удмуртском предложении; 3) выделение определённых этапов описания нейтрального

и инверсированного предложения на основании тенденций, отражённых в рассматриваемых трудах.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили труды удмуртских [2; 10; 13; 14; 36] и зарубежных учёных [43; 44; 45; 47; 51; 52; 53; 54] о грамматике удмуртского языка, а также посвящённые изучению непосредственно вопросов синтаксиса [17; 21; 22; 28; 37; 50], порядка слов в удмуртском предложении [1; 3; 4; 11; 15; 26; 27; 31; 32; 39], стилистики [38]. Также важную информацию о инверсии представляют работы в области удмуртской литературы [5; 6; 7; 30].

В качестве исследовательских методов применялись: описательный, структурный и сопоставительный, которые использовались для группировки и анализа теоретического материала по изучаемому вопросу.

Результаты

Изучение порядка слов в удмуртском языке тесно связано с развитием пермского синтаксиса. Учитывая вышесказанное, можно выделить несколько этапов в развитии учения о порядке слов в исследуемом языке. Рассмотрим их подробнее.

I этап (с 1851 г. – до середины 30-х гг. XX в.) – номинативный

Несмотря на то, что зарождение удмуртской грамматической науки относится к XVIII в., первые сведения о словопорядке в удмуртском языке приводятся лишь в 1851 г. в грамматике Ф. И. Видеманна. Исследуя вопросы построения удмуртского предложения, эстонский академик одним из первых приводит причины появления инверсии как лингвистического явления. По мнению учёного, первым поводом является стремление к акцентуализации конкретного слова в предложении, вторая причина – участие инверсии в образовании определённого ритма

в тексте: «Ersteus nämlich, wird des Nachdrucks wegen, welchen man auf ein einzelnes Wort im Satz legen will, dieses an eine Stelle gesetzt, wo es mehr aufund in's Ohr fällt <...> Zweitens, werden Inversionen vielfach auch veranlasst durch die Rücksicht auf den Wohllaut und auf den Rythmus des Satzes» [51, 282]. 'Во-первых, поскольку акцент делается на отдельном слове в предложении, оно ставится в таком месте, где оно более заметно и цепляет слух <...> Во-вторых, инверсии часто обусловлены также вниманием к благозвучию и ритмичности предложения'¹.

Вопросы словопорядка поднимаются в сопоставительной грамматике коми и удмуртского языков 1884 г., где Ф. И. Видеманн фиксирует следующие принципы порядка слов в коми языке: «1) alles Atributive sieht vor dem dadurch näher bestimmten Worte, 2) dem Hauptverb des Satzes geht das Subjekt vorher nebst allen objektiven und adverbialen Erweiterungen <...>» [52, 251]. '1) все определения находятся перед определяемым словом, 2) главному глаголу предложения предшествует подлежащее вместе со всеми объективными и адвербиальными расширениями'. Аналогичные тенденции характерны и для удмуртского языка, однако, по мнению исследователя, второй признак в удмуртском языке очень часто подвергается изменениям, что можно объяснить случаями калькированного перевода с русского языка. В качестве доказательства данного утверждения Ф. И. Видеманн приводит примеры из переводов евангельских текстов южных удмуртов, где исконный словопорядок сохраняется благодаря влиянию татарского и чувашского языков [52, 251–252].

Целую серию гипотез относительно словопорядка в удмуртском языке высказали авторы грамматик, написанных в 1920–1930-е гг. В частности, согласно утверждению П. П. Глезденева, который в 1921 г. формулирует правила порядка и последовательности в удмуртском языке, «главные частички располагаются после второстепенных» [10, 5]; «управляющее слово ставится после слов управляемого» [10, 44]. Этим исследователь объясняет позицию сказуемого в удмуртском предложении, стремящегося в подавляющем большинстве занять конечную позицию.

К. М. Баушев в работе «Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного

порядка» (1929) вводит термин концентр и подчёркивает, что подлежащее также может стремиться занять позицию за второстепенными членами, относящимися к нему. Так, согласно автору, в удмуртском предложении «те слова, что принято называть грамматическим подлежащим и сказуемым, по строю вотского предложения замыкают каждый свой концентр. Из этого замкнутого концентра ни одна подчинённая часть не может выходить за круг своего замыкания» [2, 9]. Исключения из вышеприведённых правил могут допускаться лишь в случаях логического ударения. При этом логическое ударение располагается перед сказуемым [2, 10; 10, 45]. К. М. Баушев допускает постановку дополнения, находящегося под логическим ударением в придаточных предложениях, после сказуемого [2, 16]. Несмотря на наличие определённых правил и законов вотского словопорядка П. П. Глезденев и К. М. Баушев в качестве основных факторов, влияющих на появление инверсии, предлагают рассматривать этнолингвистический, а именно – влияние русского языка [2, 24; 10, 50].

И. В. Яковлев в работе «Удмурт кылрадъян» (1930) подчёркивает обязательное положение сказуемого в конце предложения, отмечая, что в противном случае предложение ломается: «Туж шер веранэз сёрыса сое аяз но шораз каро» [36, 63]. 'Очень редко, ломая предложение, его располагают впереди и в середине'. При этом учёный допускает, что сказуемое может занимать начальную позицию в побудительных, восклицательных предложениях [36, 65]. Вышесказанное позволяет утверждать, что в период становления норм литературного удмуртского языка учёные ориентировались на замыкающую позицию сказуемого в предложении, а необоснованная инверсия в этот период характеризовалась как нарушение структуры предложения.

В «Учебнике удмуртского языка» (1933), созданном С. П. Жуйковым, отмечается важность ауслатной позиции сказуемого в простом предложении. При этом автор допускает инициальную позицию предикативных форм в побудительных предложениях, а их расположение в середине предложения связывает с необходимостью соблюдения рифмы в стихотворных текстах. При этом, приводя пример стихотворения, исследователь предлагает

¹ Здесь и далее перевод автора – Л. Ч.

вариант другого словоупорядка, в котором сказуемое стоит в конце строки и сохраняет рифму [12, 12]. Судя по произведенной корректировке словоупорядка, становится ясным, что инверсия даже в качестве жанровой доминанты не поощряется.

К данному же этапу можно отнести работы венгерского финно-угроведа Д. Р. Фокош-Фукса, который внёс большой вклад в развитие удмуртского синтаксиса. Он приводит доказательства существования урало-алтайской общности, согласно которой удмуртский язык имеет множество сходных элементов с тюркскими языками, для которых как раз характерна конструкция SOV. Исследователь также пишет о предшествовании прилагательного атрибута основному слову: «Das adjektive attribut geht seinem hauptworte voran» [50, 298]. 'Прилагательный атрибут предшествует своему основному слову'.

Таким образом, первый этап изучения словоупорядка в удмуртском предложении можно рассматривать как важную веху в создании основных требований к лингвистическим единицам синтаксиса. Данный этап характеризуется строгим подходом к отнесению удмуртского языка к SOV-конструкциям, при котором инверсия рассматривается как нарушение нормы. По мнению представителей этого периода, инициальное расположение предикативных частей характерно для восклицательных и побудительных предложений с целью достижения определённых средств выразительности (актуализации слова или фразы, придания тексту определённого ритма или необходимой рифмы).

II этап (со второй половины 1930-х гг. – до 1960-х гг.) – инверсионный

Зарождение данного этапа в определённой степени связано с общественно-политическими изменениями в истории развития России. Как отмечает В. В. Понарядов, в этот период складывается положительный взгляд учёных на изменение удмуртской структуры предложения в связи с влиянием русского языка, поскольку «предполагалось, что старый удмуртский порядок слов в недостаточной мере приспособлен к прогрессу» [27, 367]. Не случайно появляются критические высказывания в адрес «Учебника удмуртского языка» С. П. Жуйкова. В частности, в одной из работ подчёркивается, что незыблемое положение членов предложения является вредным и неверным,

а перестановка сказуемого предложение не теряет своей ясности [8, 44].

Уже в учебнике удмуртской литературы А. С. Бутолина от 1935 г. появляется анализ стиля удмуртского писателя Григория Медведева. По мнению учёного, в качестве особенностей стиля удмуртского писателя можно выделить отказ от замыкающей позиции предикативной единицы в предложении. Такое нарушение словоупорядка, как подчёркивает А. С. Бутолин, в отдельных случаях искажает восприятие написанного, а при удачно употреблённой инверсии предложение становится более выразительным [5, 118].

В 1937 г. С. П. Жуйков также пишет о необоснованности утверждения обязательной конечной позиции сказуемого, которого придерживались ранее удмуртские учёные. В качестве яркого примера исследователь приводит размышления И. В. Яковлева, отнесённого к «националистам». В качестве одного из важных факторов, влияющих на порядок слов в предложении, С. П. Жуйков называет логическое ударение, когда «говорящий хочет обратить внимание слушающего на что-либо» [13, 18–19].

В том же году П. Н. Перевошиков публикует статью, в которой предлагает рекомендации для переводчиков с русского на удмуртский язык. Среди этих рекомендаций есть правило, согласно которому необходимо стремиться приблизить сказуемое к подлежащему. Иначе, как отмечает исследователь, однообразное построение предложений с постпозитивным сказуемым не может передать всех тонкостей языка, а также усложняет информационное восприятие текста путём разрыва связи сказуемого с подлежащим большими осложнёнными построениями [20, 48]. Позже о стремлении сказуемого приблизиться к подлежащему с целью улучшения качества восприятия представленной информации в осложнённом предложении упоминали А. В. Конюхова [17, 46], М. Н. Булычев [3, 37] и др.

В другой работе от 1938 г. П. Н. Перевошиков отмечает, что для современного удмуртского языка более не свойственна обязательная позиция сказуемого на конце предложения: «Али таёе положение öвöl ни, что сказуемой повествовательной предложенилэн одно ик пумаз луэ» [21, 33]. 'Сейчас уже нет такого, что сказуемое в повествовательном предложении непременно стоит в конце'. Рассматривая

вопросы переводческой деятельности в другой своей работе, П. Н. Перевощиков находит положительную сторону более гибкого строя удмуртского предложения в том, что теперь структура предложения не препятствует наиболее полной передаче оригинальной информации. Именно твёрдый порядок слов, по мнению учёного, в иных случаях не допускал достоверно переводить текст, подталкивая переводчиков к поискам правильных конструкций предложений с риском для смысла перевода [23, 7]. Более того, исследователь в своих работах неоднократно отмечает постпозицию определений по отношению к определяемым словам, что стало возможным благодаря благотворному воздействию русского языка [22, 7; 24, 2]. Как отмечается в одной из работ: «теперь нельзя сказать, что прилагательное абсолютно во всех случаях предшествует определяемому им существительному, так как при обособлении оно может стоять и после поясняемого существительного» [22, 7].

Последнее утверждение не приветствовалось другими лингвистами. Так, относительно расположения определения к главному слову М. Н. Булычев в работе «Порядок слов в удмуртском простом предложении» (1947) пишет: «Определение в удмуртском языке всегда стоит перед определяемым» [3, 44]. При этом, по мнению учёного, данное правило сохраняется не только в фольклорных материалах, но и в современном литературном языке. В своей работе М. Н. Булычев анализирует тексты до-революционной и послереволюционной эпохи и приходит к выводу, что традиционная конструкция удмуртского предложения, согласно которой группы подлежащего и сказуемого находились в постпозиции по отношению к зависимым словам, в настоящее время претерпевает изменения [3, 75]. Сказуемое в начале предложения выполняет стилистическую и грамматическую функции, усиливая, утверждая значение, поскольку в этом случае логическое ударение падает на первое слово, осуществляя тем самым инверсию. На этом основании учёный приходит к выводу, что порядок слов и логическое ударение тесно связаны [3, 35]. По мнению удмуртского учёного, в осложнённых предложениях сказуемое вынуждено приблизиться к подлежащему с целью сохранения с ним грамматической связи [3, 37]. М. Н. Булычев, как и другие исследователи, соглашается с мнением о благотворном влиянии русского

языка на структуру удмуртского, за счёт чего «сказуемое обретает большую свободу». Разительные перемены в языке учёный связывает с Великой Октябрьской революцией, когда перед удмуртами открылись новые возможности, расширились контакты, обогатился лексический состав языка, постепенно начало меняться мировоззрение удмуртов, в связи с чем трансформировался и язык [3, 82]. Подводя итоги М. Н. Булычев приводит таблицу с процентными показателями положения сказуемого. Так, по материалам из работы Ю. Вихманна «Wotjakische Chrestomatie» (1901) показатель сказуемого в ауслаутной позиции составляет 71,6 %, по материалам текстов художественной литературы – 60,7 % [3, 80]. Работа М. Н. Булычева оказала большое влияние на исследование инверсии и порядка слов, систематизировав имеющиеся материалы. При этом автор ставит некоторые вопросы, требующие дальнейшего решения. Так, в связи с переменами в языке и трансформации привычного порядка слов, учёный задаётся вопросом определения инверсии: «инверсия – это случайное нарушение нормального порядка слов или же здесь происходит борьба нового порядка слов со старым, отживающим порядком, т. е. налицо результат вполне закономерного исторического процесса?» [3, 78].

Таким образом, на втором этапе изучения удмуртского словоупотребления на лингвистические исследования большое значение оказали изменения общественно-политического строя. Как отмечает С. В. Едыгарова, синтаксис второй половины 1930-х гг. становится одной из главных мишеней пропаганды, в связи с чем традиционная структура признается признаком «буржуазного национализма»: «The traditional structure was labeled as a feature of “bourgeois nationalism”» [46, 117]. «Традиционная структура была названа признаком «буржуазного национализма»».

По мнению большинства учёных этого периода, под влиянием русского языка структура удмуртского предложения претерпевает трансформации, благотворно влияющие на возможности языка. Происходит резкая критика «националистов» прошлого этапа. По мнению А. Ф. Шутова, критика «этих “националистов” скорее всего была вызвана влиянием господствовавшего в то время в языкознании учения Н. Я. Марра», поскольку и сами эти критики в предыдущих своих исследованиях отмечали

преобладание в удмуртском предложении SOV-структуры [32, 28]. В частности, по мнению С. В. Едыгаровой, перемена в отношении структуры словопорядка в работе С. П. Жуйкова 1937 г. связана со стремлением спасти свою жизнь и карьеру [46, 120]. Следовательно, анализируя лингвистические исследования этого периода, нельзя сбрасывать со счетов и политические тенденции века.

Важно подчеркнуть, что после 1947 г. фундаментальных исследований на тему словопорядка или инверсии в удмуртском языке вплоть до 1960-х гг. не наблюдается, поэтому начало следующего этапа мы определяем с 1960-х гг., когда наступает период «стабилизации общелитературных норм» [7, 48–49]. Приходит новая пора, однако, отголоски предыдущего этапа ещё будут звучать некоторое время, отмечая благотворное влияние русского языка на конструкции удмуртского, что так характерно было для предыдущего этапа [7, 54; 24, 2; 25, 9–10].

III этап (с 1960-х гг. – до настоящего времени) – реверсивный

Третий этап изучения порядка слов в удмуртском языке совпадает с общим подъёмом научного уровня пермской лингвистики. Как замечает В. В. Понарядов, в этот период снова происходит возврат к изучению традиционной конструкции удмуртского предложения [27, 367]. При этом учёный ссылается на работы П. Суйхконен (1990) и М. Вилкуна (1998), приводя их процентные доказательства преобладания в удмуртском языке традиционной конструкции. По нашему мнению, процесс возврата к традиционной конструкции отражается и в более ранних работах. Так, к примеру, в работе П. Н. Перевощикова 1963 г. излагаются основные правила удмуртского синтаксиса, среди которых подчёркивается и стремление к SOV-конструкции. Автор всё же отмечает наметившиеся тенденции к отказу от принятых норм, обусловленные развитием языка, стремлением более чётко выразить информацию посредством новых конструкций, заимствованных из русского языка. Учёный также продолжает подчёркивать благотворное влияние русских конструкций, отмечая, что подобное воздействие не расстраивает конструкцию удмуртского предложения, поскольку язык сохраняет свои нормы, в которых не допускаются отклонения. Автор отмечает: «В группе подлежащего конечное место занимает подлежащее, в группе сказуемого –

сказуемое» [25, 11]. По мнению учёного, для удмуртского предложения обязательно конечное положение деепричастий и причастий в конструкции, соблюдение предшествования определения к определяемому и примыкаемого обстоятельства к поясняемому [25, 20–21].

Также традиционный порядок слов поддерживает и В. М. Вахрушев, отметивший, что в некоторых случаях излишняя свобода слов в предложении искажает смысл всего предложения: «кыльёсты предложениосы эрказгес радьяса (ас интыязы пуктыгэк), куддыръя предложениос валантэмесь луо» [6, 41]. 'Из-за свободного расположения слов (не расставленных по своим местам), предложения иногда становятся непонятными'. Тем самым учёный призывает внимательно строить конструкцию предложения во избежание стилистических ошибок, признавая наличие в удмуртском языке своей упорядоченной конструкции, соблюдая которую можно добиться наилучшего качества информативности предложений.

Т. Г. Гаврилова в 1970 г. приводит процентные показатели сохранения традиционной конструкции с ауслаутной позицией сказуемого, что составляет 60–70 % рассмотренных текстов. Под прямым порядком по Т. Г. Гавриловой понимается классическое представление замыкающих групп подлежащего и сказуемого, что является стилистически нейтральным. Нарушение этого традиционного представления становится обратным порядком, то есть инверсией. Также Т. Г. Гаврилова упоминает о возможности функционирования инверсии: «Обратный порядок слов в удмуртском предложении связан с необходимостью смыслового выделения того или иного члена предложения. Следовательно, при инверсии порядок слов осуществляет смысловую функцию» [9, 117]. По наблюдениям исследователя, сказуемое занимает ауслаутную позицию в предложении «в описаниях природы и человека, при необходимости особого усиления, выделения состояния или действия» [9, 110]. Сказуемое в начале или в середине предложения наиболее характерно для переводных произведений и публицистики.

Однако, автор отмечает, что для агглютинативных языков характерен более устойчивый порядок слов, но вместе с тем исследователь соглашается, что традиционный порядок слов в удмуртском языке нарушился. Т. Г. Гаврилова приводит ряд сохранившихся конструкций, где упоминает о постпозиции деепричастий и

причастий, препозиции определений и обстоятельств, о чём писал ещё П. Н. Перевощиков, а также добавляет постпозицию отглагольного существительного и место послелога после имени [9, 117].

Б. А. Серебренников, рассуждая о синтаксисе древнеудмуртского языка, обозначает наличие строгого порядка слов, который в современном удмуртском языке может нарушаться. Помимо объяснения этих изменений влиянием русского языка автор добавляет ещё одну из причин перестановки конечной позиции сказуемого в современном удмуртском: «говорящий или пишущий стремится каким-либо образом оттенить или выделить глагол» [28, 119]. Также учёный указывает на нарушение в современном удмуртском языке препозиции определений, объясняя это стремлением языка к большей выразительности [28, 120]. Важно подчеркнуть, что ещё в 1986 г. Б. А. Серебренников замечает: «в современном удмуртском языке совершенно явно происходит борьба двух синтаксических систем разных типов». При этом, по мнению учёного, преобладающая система тюрко-татарского типа (SOV) под влиянием русского языка постепенно разрушается [28, 122].

Р. И. Яшина в одной из своих статей затрагивает вопрос словопорядка в русских и удмуртских словосочетаниях в сопоставительном аспекте, отмечая более устойчивый порядок слов в удмуртских словосочетаниях [37, 24]. В работе «Удмурт стилистика очеркёс» (1990) учёный определяет инверсию как иной порядок расположения слов в словосочетаниях и предложениях, использующийся для логического ударения и углубления смысла стихотворений и песен. При этом автор уточняет, что при прямом порядке глагол-сказуемое находится в конце предложения [38, 72].

В одной из своих статей А. Ф. Шутов описывает словопорядок и его значение в удмуртском языке. Автор даёт основные правила словопорядка, согласно которому глагол-сказуемое, деепричастия, причастия, определяемые слова располагаются в постпозиции в отношении своих поясняющих, дополняющих групп. Также автор затрагивает описание темарематических отношений, отмечая о предшествовании известной информации и постпозиции новой: «Дырызлы тупамезъя люкыку, веранысь тодмез предложелэн кутсконаз луэ, нош со сярсы ивор сётон, маке выльзэ веран пумаз пуксе» [31, 63]. 'Разделяя по согласованию со временем, известное располагается в

начале предложения, а то, что о нём говорится нового, становится в конце'. По мнению исследователя, подобная структура наиболее часто встречается в публицистических текстах. Так, в зависимости от основной идеи, которую желает подчеркнуть автор, зависит порядок слов в предложении. А. Ф. Шутов также отмечает частое использование в поэзии инверсии, определяя её как обратный порядок слов: «кыльёслэн мыдлань радзы» [31, 63]. 'Обратный порядок слов'. В стихотворениях можно разрушить прямой порядок слов, однако следует соблюдать осторожность, чтобы не исказить смысл написанного. В заключении А. Ф. Шутов ссылается на процентные показатели Т. Г. Гавриловой, отмечая хорошее сохранение древнего словопорядка в удмуртской художественной литературе независимо от влияния русского языка: «вашкала кылрад удмурт чеберлыко литератураын зеч возиське» [31, 63]. 'Древний словопорядок хорошо держится в удмуртской художественной литературе'. Таким образом, работы Т. Г. Гавриловой, Р. И. Яшиной и А. Ф. Шутова впервые поднимают вопрос о зависимости словопорядка в удмуртском языке от стилистической характеристики текста.

Вопросы тема-рематических характеристик предложения в контексте удмуртского словопорядка вслед за А. Ф. Шутовым рассматриваются в трудах Г. А. Ушакова [30, 534], Н. В. Кондратьевой [16, 115] и др.

Изучением словопорядка в удмуртской лингвистике в этот период начали заниматься и зарубежные исследователи. В частности, венгерский учёный Ш. Чуч придерживается мнения о свободном словопорядке в удмуртском предложении: «A votjåkban a szórend szabad» [44, 64]. 'Порядок слов в вотяцком языке свободный'. Несмотря на это, в других исследованиях он говорит о возможности присутствия SOV структуры [45, 305]. Также исследователь акцентирует внимание на необходимости строгой постпозитивной позиции определяемого слова, с целью сохранения ясности и информативности предложения [44, 64; 45, 305].

Финский исследователь П. Суйхконен отмечает, что порядок предложений в удмуртском языке относительно свободный: «udmurtin sanajärjestys on suhteellisen väljä» [47, 263]. 'Порядок слов в удмуртском языке относительно свободный'. Тем не менее, несмотря на распространённость порядка SVO, основной словопорядок строится по конструкции SOV:

«Udmurtin perussanajärjestys on SOV, joskin SVO-järjestys on yleinen» [47, 301]. 'Основной порядок слов в удмуртском языке SOV, хотя распространён порядок SVO'. Трансформация нейтральной SOV конструкции, по мнению учёного, выполняет прагматическую функцию и обусловлена изменением значимости лексических единиц [47, 267].

В 2000 г. выходит работа Р. Бартенс, где автор, сопоставляя коми и удмуртский языки, приходит к выводу, что для удмуртского языка, в отличие от первого, наиболее характерна SOV конструкция. Так, Р. Бартенс отмечает, что в удмуртском языке на долю SOV конструкций приходится 53,8 % [43, 343]. Учёный опирается на процентные данные исследования, которые приводит в своей работе М. Вилкуна [49, 178–218].

Также со строением удмуртского предложения по типу SOV соглашается Б. Винклер. При этом учёный говорит о двух случаях отклонения словопорядка: а) контекста или дискурса, б) влияние русского языка [53, 72]. Размышления о словопорядке в удмуртском предложении получили продолжение в другой работе, написанной на немецком языке, где Б. Винклер приводит более точные данные. Здесь учёный опирается на исследования М. Вилкуна и П. Суйхконен, приводящих процентные показатели распространения прямого и обратного словопорядка [47, 264; 49, 186–203]. Так, согласно вычислениям П. Суйхконен, количество SOV конструкций в удмуртском языке составляет 60,6 % [54, 162–164].

Подходы генеративной лингвистики применяются в трудах венгерской исследовательницы О. Танцош, которая в качестве причины трансформаций рассматривает наличие / отсутствие фокуса: так, в случае наличия фокуса, порядок слов в удмуртском предложении трансформируется в OSV и SVO конструкции: «Ha a mondat alanyi fókusz tartalmaz, az alap SOV szórend megváltozik, és olyan szórendek jönnek létre, mint az OSV (4a) és az SVO (4b)» [48, 223]. 'Если предложение содержит предметный акцент, базовый порядок слов SOV изменяется и становится таким, что создаются такие порядки слов, как OSV и SVO'. Основной порядок слов в нейтральном предложении сохраняет SOV конструкцию [48, 225]. Данную позицию экспериментально проверяет Э. Е. Асталаш, отмечая выбор большинством респондентов сфокусированный объект перед глаголом, но в то же время указывает о возможностях различных

вариаций в его позиции [1, 11]. Позднее Э. Е. Асталаш будет исследовать фокус в отрицательных предложениях, опираясь на свои предыдущие исследования с доказательствами перехода традиционной удмуртской конструкции SOV в SVO [40; 41; 42 и др.].

Э. Е. Асталаш проводит исследование, посвящённое проверке перехода традиционного положения слов SOV в конструкцию SVO. Результаты исследования подтвердили переход: «On the basis of the results summarized under points 1–7, it can be assumed that there is an ongoing word order change in Udmurt, that is, the SOV pattern is being replaced by the SVO pattern» [40, 11]. 'На основании результатов, обобщённых в пунктах 1–7, можно предположить, что в удмуртском языке происходит постоянное изменение порядка слов, то есть шаблон SOV заменяется шаблоном SVO'. Предложения по конструкции традиционной структуры SOV наиболее характерны для пожилого возраста, тогда как молодёжь в большинстве выбирает SVO. Как упоминалось выше, автор связывает данный переход с влиянием русского языка на удмуртский.

С. В. Едыгарова опирается в одной из своих статей на проведённые Э. Е. Асталаш исследования и добавляет, что помимо воздействия русского языка на позицию глагола в предложении могут влиять «изменения информационной культуры в целом» [11, 96]. Данный вывод исследователь делает на основе экспертной оценки редактора газеты «Удмурт дунне». Известно, что в данной газете в структуре предложений зачастую не соблюдается традиционное положение слов. «По мнению редактора, глагол на страницах газеты часто имеет нетрадиционное положение из-за того, что действие или глагол чаще всего получает логическое ударение, что, в свою очередь, отражает мировосприятие и темп жизни современного человека» [11, 94]. Также, по мнению данного исследователя, слова могут располагаться в любой части предложения, поскольку удмуртский язык не имеет строгого фиксированного порядка слов. Хотя автор отмечает, что доминирующим порядком принято считать порядок SOV [11, 84–85].

Необходимо отметить и исследования последних десятилетий. Так, В. В. Понарядов относит удмуртский язык «к непоследовательному SOV-типу с наличием значительного SVO-компонента» [26, 11]. Причину лучшего сохранения прапермской структуры в удмуртских предложениях в отличие от коми языка

учёный объясняет консервирующим воздействием тюркских языков [26, 22]. Далее, ближе к 2000 г., как отмечает В. В. Понарядов, вновь возобладала «альтернативная точка зрения, согласно которой передвижение сказуемого к началу удмуртского предложения – это словопорядковая ошибка, нарушающая языковые нормы, и её должно избегать» [27, 367]. В качестве доказательства автор приводит в пример грамматику М. К. и Б. И. Каракуловых, где постановка глагола-сказуемого перед дополнением расценивается как ошибка [14, 85]. Примечательно, что Т. Г. Гаврилова в своей статье рассматривает подобного рода предложения, отмечая, что прямое дополнение в форме винительного падежа под воздействием русского языка становится более употребительным. При этом как прямое, так и косвенное дополнения не имеют твёрдого места в предложении и в зависимости от значимости, могут располагаться как в пост- так и препозиции сказуемого. Перемещение слов в предложении, в том числе дополнения, «вносит особые оттенки, но они не изменяют синтаксических отношений между словами» [9, 112]. На основе этого Т. Г. Гаврилова считает, что различные перемещения прямого дополнения «не являются нарушением нормы удмуртской речи» [9, 112]. Однако, расценивая постановку глагола-сказуемого перед дополнением как грамматическую ошибку, М. К. и Б. И. Каракуловы все же отмечают, что в удмуртском и русском языках нетвёрдый порядок слов. В качестве одной из причин нарушения обычного порядка слов учёные называют актуальное членение, используемое в целях особого выделения какого-либо члена предложения [14, 81].

Традиционная конструкция удмуртского предложения признаётся Е. А. Булычевой и О. П. Никифоровой, посвящённой порядку слов в удмуртской поэзии. Авторы приводят примеры прямого порядка и инверсированного в поэзии удмуртских поэтов. Отмечается, что для поэзии, как и для разговорной речи, наиболее характерен свободный словопорядок [4, 44–46].

Стоит отметить работу Л. Л. Карповой, в которой описывается инверсионный порядок слов в северно-удмуртских диалектах. За основную конструкцию нейтрального словопорядка берётся конструкция SOV: «В удмуртском простом предложении при обычном, прямом порядке слов подлежащее и его группа начинается предложение, а завершает его группа

сказуемого. Сказуемое как стержневое слово группы стоит в конце предложения» [15, 86].

Таким образом, на третьем этапе развития изучения словопорядка, исследователи в большей степени соглашались с наличием SOV конструкции в удмуртском языке, закрепляют свои выводы результатами количественных показателей по материалам различных текстов. На сохранение стандартного языка обращает внимание С. В. Едыгарова, рассматривая строгое требование соблюдения норм и отклонение других имеющихся вариантов как «неправильных» в качестве проявлений языкового пуризма. В одной из своих статей учёный отмечает новую волну языкового пуризма, начавшуюся в 1990 г. [11, 86].

В качестве основных характеристик этого периода можно также отметить повышенный интерес к словопорядку удмуртского языка среди зарубежных лингвистов.

Обсуждение и заключение

Таким образом, изучение удмуртского словопорядка условно можно разделить на три периода. Первый этап (с 1851 г. – до середины 30-х гг. XX в.) – номинативный, характеризуется строгим соблюдением традиционной SOV-конструкции удмуртского предложения, немотивированное нарушение которой воспринимается исследователями в качестве ошибки. Трансформация принятого словопорядка допускается лишь в исключительных случаях. Так, в побудительных и восклицательных предложениях перемена в расположении слов употребляется с целью передачи в тексте определённой выразительности.

Для второго этапа (со второй половины 1930-х гг. – до 1960-х гг.) – инверсионного, характерно вмешательство общественно-политических изменений в нормирование удмуртской грамматики, когда отказ от традиционной структуры предложения начинает рассматриваться как прогрессивное влияние нового уклада жизни. Отмечается благотворный эффект происходящих в удмуртском синтаксисе изменений, способствующих обогащению конструкций удмуртского предложения. Строгое соблюдение традиционной конструкции приобретает черты «буржуазности», тогда как инверсированный словопорядок приветствуется.

Третий этап (с 1960-х гг. – до настоящего времени) – реверсивный, отличается многообразием методов и подходов к изучению словопорядка удмуртского предложения. На этом

этапе прослеживается повышенный интерес зарубежных исследователей к рассматриваемому вопросу, приводятся количественные данные распространения различных конструкций предложения, наблюдается возврат к традиционной конструкции удмуртского предложения и стремление к ее соблюдению.

Настоящее разграничение периодов построено на преобладающих взглядах учёных относительно нейтрального словорасположения. К сожалению, на уровне исследовательских работ

отражение изменений в отношении исследованного порядка слов, инверсии проявляется слабо, хотя несомненно в столь большой временной период синтаксис живого удмуртского языка претерпевает изменения. Стоит отметить, что в современном удмуртском языке также наблюдается тенденция к нейтрализации SVO порядка, что может повлечь в дальнейшем исключение статуса инверсионных предложений у конструкции SVO. Однако, эта тема ещё требует более тщательного исследования.

Список источников и литературы

1. Асталаш Э. Е. Позиции сфокусированного объекта в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 7–12.
2. Баушев К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.; Л.: Госиздат, 1929. 48 с.
3. Булычев М. Н. Порядок слов в удмуртском простом предложении. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. 85 с.
4. Булычева Е. А., Никифорова О. П. Порядок слов в языке удмуртской поэзии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 4. С. 42–49.
5. Бутолин А. С. Удмурт литература: средней школы учебник: 6 но 7 классъёслы. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1935. 164 с.
6. Вахрушев В. Писательлэн кылыз // Молот. 1962. № 9. С. 34–41.
7. Вахрушев В. М. К вопросу о формировании и развитии удмуртского литературного языка // Вопросы удмуртского языкознания: Сборник статей. Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР, 1975. Вып. 3. С. 42–55.
8. В. И. А. Об одном безграмотном учебнике // К вопросам удмуртского языка: Сборник статей. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. С. 40–49.
9. Гаврилова Т. Г. Порядок слов в удмуртском простом предложении // Записки УдНИИ. Ижевск: УдНИИ, 1970. Вып. 21. С. 107–118.
10. Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка: Издание Вят. губерн. отд-ния Госиздата, 1921. 55 с.
11. Едыгарова С. В. Порядок слов в удмуртском предложении и языковая идеология // Linguistic Typology 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии: Сборник научных статей. Ижевск: Удмуртский университет, 2021. С. 84–99.
12. Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка: для русских ФЗС и ШКМ 5–6 гг. обучения. Ижевск: Удмуртское гос. изд-во, 1933. 116 с.
13. Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. 46 с.
14. Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 226 с.
15. Карпова Л. Л. Особенности порядка слов в удмуртской народно-разговорной речи (на материале северных диалектов) // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. № 2. С. 85–91.
16. Кондратьева Н. В. К вопросу о явлении двупадежности в современном удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 2. С. 111–117.
17. Конюхова А. В. Предложения обособленной второстепенной членёс // Удмурт кылын морфология но синтаксис вопросёс. 2-тй сборник. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. С. 44–67.
18. Кормилицин С. В. Порядок слов и актуальное членение предложения: Исследование на материале венгерского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 207 с.
19. Маширенко О. Н. Порядок слов как фактор нормы текста (на материале современных немецких текстов инструкций и прогнозов погоды): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 29 с.
20. Перовошиков П. Как переводить русский текст на удмуртский язык // Записки УдНИИ. Ижевск: УдНИИ, 1937. Вып. 7. С. 43–51.
21. Перовошиков П. Н. Удмурт кылын сложноподчинённой предложениос // Удмурт кылын морфология но синтаксис вопросёс. 1-тй сборник. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. С. 31–74.
22. Перовошиков П. Н. Сложноподчинённые предложения в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. 75 с.
23. Перовошиков П. Н. К совершенствованию переводческой письменности. Ижевск: [б. и.], 1940. 38 с.
24. Перовошиков П. Н. Влияние русского языка на грамматический строй удмуртского языка // Удмуртская правда. 1952. № 131. С. 2.
25. Перовошиков П. Н. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1963. 36 с.
26. Понарядов В. В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2001. 24 с.

27. Понарядов В. В. Об инверсии удмуртского сказуемого // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 367–369.
28. Серебренников Б. А. Синтаксис древнеудмуртского языка – синтаксис тюрко-татарского типа // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сборник статей. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 116–123.
29. Сковородников А. П. Инверсия // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты. М.: Флинта, 2011. С. 138–139.
30. Ушаков Г. А. Темо-рематические отношения в поэтических произведениях К. Герда как художественно-изобразительное средство // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. С. 533–538.
31. Шутов А. Ф. Кудйзтэн кытын интыез // Молот. 1988. № 11. С. 62–63.
32. Шутов А. Ф. Изучение порядка слов в пермских языках // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 27–30.
33. Юсупова З. Р. Этапы разработки учения об актуальном членении предложения и порядка слов // Вестник педагогического университета. 2015. № 4 (65). С. 94–97.
34. Юсупова З. Р. История исследования порядка слов и теории актуального членения предложения // Вестник педагогического университета. 2021. № 5 (94). С. 226–230.
35. Юсупова З. Р. Актуальное членение и порядок слов предложения в разноструктурных языках: тождество, сходство, различия: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Душанбе, 2022. 55 с.
36. Яковлев И. В. Удмурт кырадьян. Ижевск: Удкнига, 1930. 80 с.
37. Яшина Р. И. Проблема словосочетаний и её разработанность в удмуртском языкознании // Словосочетание в удмуртском языке: (к 80-летию профессора Петра Николаевича Перевощикова). Ижевск: НИИ при Совете Министров УАС-СР, 1980. С. 7–29.
38. Яшина Р. И. Удмурт стилистика очеркъяс. Ижевск: Удмуртия, 1990. 143 с.
39. Asztalos E. Word order type change in Udmurt. Budapest, 2018. 19 p.
40. Asztalos E. From head-final towards head-initial grammar: Generational and areal differences concerning word order usage and judgement among Udmurt speakers // Language contact in the territory of the former Soviet Union. Amsterdam; Philadelphia; PA: John Benjamins Publishing Company, 2021. Pp. 143–182.
41. Asztalos E. Nem Szibériába mentem = Szibériába nem mentem? A konstituensszinten értelmezett tagadás az udmurt nyelvben // Nyelvelmélet és kontaktológia. 2022. Vol. 5. Pp. 115–151.
42. Asztalos E. The expression of constituent negation in Udmurt: From scope-ambiguous to scope-transparent constructions // Acta Linguistica Academica. 2023. № 70 (2). Pp. 248–283.
43. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 2000. 376 p.
44. Csúcs S. Chrestomathia Votiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. 223 p.
45. Csúcs S. Die Reconstruction der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 409 p.
46. Edygarova S. The Udmurt language between 1920 and 1950 // Finnisch-ugrische Mitteilungen. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2022. Band 46. Pp. 91–139.
47. Suihkonen P. Korpusutkimus kielitypologiassa sovellettuna udmurttiin. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. 395 p.
48. Tánczos O. Szórendi variációk és lehetséges okaik az udmurtban // Nyelvtudományi Közlemények. 2010–2011. № 107. Pp. 218–228.
49. Vilkuna M. Word order in European Uralic // Constituent Order in the Languages Europe. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1998. Pp. 173–233.
50. Fokos-Fuchs D. R. Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1937. Band XXIV. Pp. 292–322.
51. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche. Reval: Kluge & Ströhm, 1851. 390 p.
52. Wiedemann F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache, mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. SPb.: Die Kaiserliche Akademie der Wissenschaft, 1884. 252 p.
53. Winkler E. Udmurt. München: Lincom, 2001. 85 p.
54. Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 181 p.

References

1. Astalosh E. E. *Pozicii sfokosirovannogo objekta v udmurtskom jazyke* [Positions of a focused object in the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2012, no. 4, pp. 7–12. (In Russian)
2. Baushev K. M. *Sintaksicheskij stroj votskoj rechi i genezis chastic sojuznogo porjadka* [Syntactic structure of the Votyian speech and the genesis of the particles of the conjunction order]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., 1929. 48 p. (In Russian)
3. Bulychev M. N. *Porjadok slov v udmurtskom prostom predlozhenii* [Word order in an Udmurt simple sentence]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1947. 85 p. (In Russian)
4. Bulycheva E. A., Nikiforova O. P. *Porjadok slov v jazyke udmurtskoj poezii* [Word order in the language of Udmurt poetry]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, no. 4, pp. 42–49. (In Russian)
5. Butolin A. S. *Udmurt literatura: srednej shkolaly uchebnik: 6 no 7 klassjosly* [Udmurt literature: textbook for secondary schools: 6–7 grades]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1935. 164 p. (In Udmurt)
6. Vakhrushev V. *Pisatel' ljen kylyz* [The writer's language]. *Molot* [Hammer], 1962, no. 9, pp. 34–41. (In Udmurt)

7. Vakhrushev V. M. *K voprosu o formirovanii i razvitii udmurtskogo literaturnogo jazyka* [To the formation and development of the Udmurt literary language]. *Voprosy udmurtskogo jazykoznanija: Sbornik statej* [Issues of Udmurt linguistics: Collection of articles]. Izhevsk: Udmurtskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jekonomiki, literatury i jazyka pri Sovete Ministrov Udmurtskoj ASSR Publ., 1975. Vol. 3. Pp. 42–55. (In Russian)
8. V. I. A. *Ob odnom bezgramotnom uchebnike* [About one illiterate textbook]. *K voprosam udmurtskogo jazyka: Sbornik statej* [To the issues of the Udmurt language: Collection of articles]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1937. Pp. 40–49. (In Russian)
9. Gavrilova T. G. *Porjadok slov v udmurtskom prostom predlozhenii* [Word order in an Udmurt simple sentence]. *Zapiski UdNII* [Notes of the Udmurt Research Institute], 1970, no. 21, pp. 107–118. (In Russian)
10. Glezdenev P. P. *Kratkaja grammatika jazyka naroda Udmurt* [Short grammar of the language of the Udmurt people]. Vyatka: Izdanie Vjatskoj gubernii otdelenija Gosizdata Publ., 1921. 55 p. (In Russian)
11. Edygarova S. V. *Porjadok slov v udmurtskom predlozhenii i jazykovaja ideologija* [Word order in an Udmurt sentence and linguistic ideology]. *LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Problemy lingvisticheskij tipologii i kul'turologii: Sbornik nauchnyh statej* [LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Problems of linguistic typology and cultural studies: Collection of scientific articles]. Izhevsk: Izdatel'skij centr "Udmurtskij universitet" Publ., 2021. Pp. 84–99. (In Russian)
12. Zhuykov S. P. *Uchebnik udmurtskogo jazyka: dlja russkikh FZS i ShKM 5 – 6 gg. obuchenija* [Textbook of the Udmurt language: for Russian factory seven-year schools and schools of peasant youth of 5–6 years of study]. Izhevsk: Udmurtskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1933. 116 p. (In Russian)
13. Zhuykov S. P. *Osnovy grammatiki udmurtskogo jazyka* [Foundations of grammar of the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1937. 46 p. (In Russian)
14. Karakulova M. K., Karakulov B. I. *Sopostavitel'naja grammatika russkogo i udmurtskogo jazykov: Uchebnoe posobie* [Comparative grammar of the Russian and Udmurt languages: Textbook]. Izhevsk: Izdatel'skij dom "Udmurtskij universitet" Publ., 2001. 226 p. (In Russian)
15. Karpova L. L. *Osobennosti porjadka slov v udmurtskoj narodno-razgovornoj rechi (na materiale severnyh dialektov)* [Features of the word order in Udmurt folk speech (based on the material of the Northern dialects)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2015, no. 25 (2), pp. 85–91. (In Russian)
16. Kondratyeva N. V. *K voprosu o javlenii dvupadezhnosti v sovremennom udmurtskom jazyke* [To the issue of the phenomenon of double case in the modern Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2011, no. 2, pp. 111–117. (In Russian)
17. Konyukhova A. V. *Predlozheniyn obosoblennoj vtorostepennoj chlenjos* [Features of the secondary parts of a sentence]. *Udmurt kylyn morfologija no sintaksis voprosjos. 2-ti sbornik* [Issues of morphology and syntax in the Udmurt language. 2nd collection]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1941. Pp. 44–67. (In Udmurt)
18. Kormilitsin S. V. *Porjadok slov i aktual'noe chlenenie predlozhenija: Issledovanie na materiale vengerskogo jazyka* [Word order and actual sentence fragmentation: Study based on the Hungarian language]. Moscow, 2000. 207 p. (In Russian)
19. Mashirenko O. N. *Porjadok slov kak faktor normy teksta (na materiale sovremennyh nemeckih tekstov instrukcij i prognozov pogody)* [Word order as a factor of text norm (based on the material of modern German texts of instructions and weather forecasts)]. Ufa, 2012. 29 p. (In Russian)
20. Perevoshchikov P. *Kak perevodit' russkij tekst na udmurtskij jazyk* [How to translate Russian text into the Udmurt language]. *Zapiski UdNII* [Notes of the Udmurt Research Institute], 1937, no. 7, pp. 43–51. (In Russian)
21. Perevoshchikov P. N. *Udmurt kylyn slozhnopodchinenoj predlozhenios* [Complex sentences in the Udmurt language]. *Udmurt kylyn morfologija no sintaksis voprosjos. 1-ti sbornik* [Issues of morphology and syntax in the Udmurt language. 1st collection]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1938. Pp. 31–74. (In Udmurt)
22. Perevoshchikov P. N. *Slozhnopodchinennye predlozhenija v udmurtskom jazyke* [Complex sentences in the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1939. 75 p. (In Russian)
23. Perevoshchikov P. N. *K sovershenstvovaniju perevodcheskoj pis'mennosti* [To the improvement of translation writing]. Izhevsk: [w/p], 1940. 38 p. (In Russian)
24. Perevoshchikov P. N. *Vlijanie russkogo jazyka na grammaticheskij stroj udmurtskogo jazyka* [Influence of the Russian language on grammatical structure of the Udmurt language]. *Udmurtskaja pravda* [Udmurt Truth], 1952, no. 131, p. 2. (In Russian)
25. Perevoshchikov P. N. *Rol' russkogo jazyka v razvitii kul'tury udmurtskogo naroda* [Role of the Russian language in the development of the culture of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963. 36 p. (In Russian)
26. Ponaryadov V. V. *Porjadok slov v permskikh jazykah v sravnitel'no-tipologicheskom osveshhenii (prostoe predlozhenie)* [Word order in the Permian languages in comparative typological coverage (simple sentence)]. Syktyvkar, 2001. 24 p. (In Russian)
27. Ponaryadov V. V. *Ob inversii udmurtskogo skazuemogo* [About the inversion of Udmurt predicate]. *Permistika 9: Voprosy permskoj i finno-ugorskoj filologii: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Permistics 9: Issues of Permian and Finno-Ugric philology: Interuniversity collection of scientific papers]. Izhevsk: Udmurtskij universitet Publ., 2002. Pp. 367–369. (In Russian)
28. Serebrennikov B. A. *Sintaksis drevneudmurtkogo jazyka – sintaksis tjurko-tatarskogo tipa* [The syntax of the ancient Udmurt language is the syntax of the Turkic-Tatar type]. *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo jazyka: Sbornik statej* [Issues of phonetics and grammar of the Udmurt language: Collection of articles]. Ustinov: Udmurtia Publ., 1986. Pp. 116–123. (In Russian)
29. Skovorodnikov A. P. *Inversija* [Inversion]. *Jenciklopedicheskij slovar-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety. 3-e izd.* [Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings. 3rd ed.]. Moscow: Flinta Publ., 2011. Pp. 138–139. (In Russian)
30. Ushakov G. A. *Temo-rematicheskie otoshenija v pojeticheskikh proizvedenijah K. Gerda kak hudozhestvenno-izobrazitel'noe sredstv* [Theme and rhyme relations in K. Gerd's poetic works as an artistic and visual mean]. *Kak molnija v nochi... K. Gerd.*

Zhizn'. Tvorchestvo. Jepoha [Like lightning in the night... K. Gerd. Life. Creativity. Era]. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta Publ., 1998. Pp. 533–538. (In Russian)

31. Shutov A. F. *Kudizljen kytyn intyez* [Where is whose place]. *Molot* [Hammer], 1988, no. 11, pp. 62–63. (In Udmurt)

32. Shutov A. F. *Izuchenie porjadka slov v permskih jazykah* [Study of the word order in the Permian languages]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1993, no. 6, pp. 27–30. (In Russian)

33. Yusupova Z. R. *Jetapy razrabotki uchenija ob actual'nom chlenenii predlozhenija i porjadka slov* [Stages of the development of the doctrine of the actual fragmentation of sentences and the word order]. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Pedagogical University], 2015, no. 4 (65), pp. 94–97. (In Russian)

34. Yusupova Z. R. *Istorija issledovanija porjadka slov i teorii aktual'nogo chlenenija predlozhenija* [The history of the study of the word order and the theory of actual sentence fragmentation]. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Pedagogical University], 2021, no. 5 (94), pp. 226–230. (In Russian)

35. Yusupova Z. R. *Aktual'noe chlenenie i porjadok slov predlozhenija v raznostrukturyh jazykah: tozhdestvo, shodstvo, razlichija* [Actual fragmentation and the word order of a sentence in different structured languages: identity, similarity, differences]. Dushanbe, 2022. 55 p. (In Russian)

36. Yakovlev I. V. *Udmurt kykladjan* [Udmurt grammar]. Izhevsk: Udkniga Publ., 1930. 80 p. (In Udmurt)

37. Yashina R. I. *Problema slovosochetaniy i ee razrabotannost' v udmurtskom jazykoznanii* [Problem of word combinations and its elaboration in Udmurt linguistics]. *Slovosochetanie v udmurtskom jazyke: (k 80-letiju professora Petra Nikolaevicha Perevosshikova)* [Phrase in the Udmurt language: (to the 80th anniversary of Professor Petr Nikolaevich Perevosshchikov)]. Izhevsk: Nauchno-issledovatel'skij institut pri Sovete Ministrov UASSR Publ., 1980. Pp. 7–29. (In Russian)

38. Yashina R. I. *Udmurt stilistikaja ocherkjos* [Essays on the style of the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1990. 143 p. (In Udmurt)

39. Asztalos E. *Word order type change in Udmurt*. Budapest, 2018. 19 p. (In English)

40. Asztalos E. From head-final towards head-initial grammar: Generational and areal differences concerning word order usage and judgement among Udmurt speakers. *Language contact in the territory of the former Soviet Union*. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company, 2021. Pp. 143–182. (In English)

41. Asztalos E. Nem Szibériába mentem = Szibériába nem mentem? A konstituensszinten értelmezett tagadás az udmurt nyelvben. *Nyelvelmélet és kontaktológia*, 2022, no. 5, pp. 115–151. (In Hungarian)

42. Asztalos E. The expression of constituent negation in Udmurt: From scope-ambiguous to scope-transparent constructions. *Acta Linguistica Academica*, 2023, no. 70 (2), pp. 248–283. (In English)

43. Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p. (In Finnish)

44. Csúcs S. *Chrestomathia Votiacica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. 223 p. (In Hungarian)

45. Csúcs S. *Die Reconstruction der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 409 p. (In German)

46. Edygarova S. The Udmurt language between 1920 and 1950. *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2022. Band 46. Pp. 91–139. (In English)

47. Suihkonen P. *Korpustutkimus kielitypologiassa sovellettuna udmurtiin*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. 395 p. (In Finnish)

48. Tánzos O. Szórendi variációk és lehetséges okaik az udmurtban. *Nyelvtudományi Közlemények*, 2010–2011, no. 107, pp. 218–228. (In Hungarian)

49. Vilkuna M. Word order in European Uralic. *Constituent Order in the Languages Europe*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1998. Pp. 173–233. (In English)

50. Fokos-Fuchs D. R. Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen. *FUF*, 1937, no. XXIV, pp. 292–322. (In German)

51. Wiedemann F. J. *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche*. Reval: Kluge & Ströhm, 1851. 390 p. (In German)

52. Wiedemann F. J. *Grammatik der syrjänischen Sprache, mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen*. SPb: Die Kaiserliche Akademie der Wissenschaft, 1884. 252 p. (In German)

53. Winkler E. *Udmurt*. München: Lincom, 2001. 85 p. (In English)

54. Winkler E. *Udmurtische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 181 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышева Лариса Михайловна, аспирант кафедры общего и финно-угорского языкознания, Удмуртский государственный университет (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1).

larisa-chernysheva.98@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-5628-8936

ABOUT THE AUTHOR

Chernysheva Larisa Mikhaylovna, Postgraduate Student of the Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Universitetskaya Str., 1).

larisa-chernysheva.98@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-5628-8936